

Бертран
РАССЕЛ

Похвала праздности
•
Скептические эссе

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Бертран Рассел

**Похвала праздности.
Скептические эссе**

«Издательство АСТ»

1928, 1932

УДК 1(091)(410)
ББК 87.3(4Вел)

Рассел Б.

Похвала праздности. Скептические эссе / Б. Рассел —
«Издательство АСТ», 1928, 1932 — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-136108-2

В эту книгу вошли два авторских сборника Бертрانا Рассела, в которых великий британский философ в свойственной ему остроумной, безупречно логичной и точной манере рассуждает на волновавшие его темы: о различиях между западными и восточными представлениями о счастье, об относительности истины и торжестве иллюзий над здравым смыслом, о «полезных» и «бесполезных» знаниях, о противостоянии идеализма и рационализма и необходимости разумного скептицизма во всех сферах жизни — от любви до политики. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 1(091)(410)
ББК 87.3(4Вел)

ISBN 978-5-17-136108-2

© Рассел Б., 1928, 1932
© Издательство АСТ, 1928, 1932

Содержание

Похвала праздности и другие эссе	6
Пролог	6
Глава I	7
Глава II	14
Глава III	20
Глава IV	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Бертран Рассел

Похвала праздности

Скептические эссе

Bertrand Russell
IN PRAISE OF IDLENESS
SCEPTICAL ESSAYS

Печатается с разрешения издательства Routledge, a member of the Taylor & Francis Group,
copyright of The Bertrand Russell Peace Foundation.

Серия «Философия – Neoclassic»

Перевод с английского
Ю. Калистратовой («Похвала праздности»)
А. Курышевой («Скептические эссе»)

Компьютерный дизайн В. Воронина

© The Bertrand Russell Peace Foundation Ltd., 1996
© Перевод. А. Курышева, 2021
© Школа перевода В. Баканова, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Похвала праздности и другие эссе

Пролог

В этой книге собраны очерки, посвященные социальным проблемам, о которых редко услышишь в политических дебатах. Здесь я предупреждаю об опасности как чрезмерного контроля над умами, так и чрезмерной ретивости в действиях.

В каких-то эссе я объясняю, в чем не согласен ни с коммунизмом, ни с фашизмом и почему в принципе не приемлю общие для них идеи. В других говорю о важности знания – не столько в силу его практической пользы, сколько потому, что оно формирует привычку мыслить всесторонне, – и с этой точки зрения даже те знания, которые в наши дни принято считать «бесполезными», совершенно необходимы. Один из очерков посвящен влиянию архитектуры на такие социальные проблемы, как благополучие детей и положение женщин. Еще дальше от политики отстоят размышления об истории западной цивилизации и о вероятности того, что однажды человечество будет раздавлено насекомыми. Заканчивается сборник кратким рассуждением о природе души.

Главная цель книги – показать, что мир раздирают нетерпимость, фанатизм и идеализация бурной деятельности независимо от ее направления, тогда как наше сложное современное общество нуждается в спокойном размышлении, в готовности переосмыслить устоявшиеся догмы и оставаться открытым ко всевозможным точкам зрения.

В сборник наряду с новыми эссе вошло несколько прежних, перепечатанных с любезного разрешения издателей. «Похвала праздности» и «Мидас нашего времени» публиковались в *Harper's Magazine*; «Происхождение фашизма» (под другим названием) выходил в английском *The Political Quarterly* и американском *The Atlantic Monthly*; «Сцилла и Харибда, или Коммунизм и фашизм» печатался в *The Modern Monthly*; «Современное единообразие» выходил в Нью-Йорке в *The Outlook* (ныне *The New Outlook*); «Воспитание и дисциплина» публиковалось в *The New Statesman and Nation*. Мне также хотелось бы особо отметить содействие Питера Спенса, который предложил и обсудил со мной многие из затронутых здесь тем.

Глава I

Похвала праздности¹

Подобно большинству людей моего поколения, я воспитан в духе поговорки: «Праздность – мать всех пороков». Будучи очень послушным ребенком, я внимал всему, что мне говорили, и вырос с сознанием, которое по сей день заставляет меня усердно трудиться. И хотя это сознание продолжает управлять моими поступками, взгляды мои претерпели радикальные изменения. Я считаю, что в мире совершается масса лишней работы, что представление о работе как о добродетели крайне вредно и вообще в современных индустриальных странах самое время начать проповедовать идеи, отличные от тех, что проповедовались до сих пор.

Всем известна притча о путнике из Неаполя, который увидел двенадцать развалившихся на солнышке нищих (дело было еще до Муссолини). Одиннадцать из них вскочили в надежде получить от него монету, а он отдал ее двенадцатому. Так вот, тот странник был на верном пути. Конечно, в местах, обделенных средиземноморским солнцем, лениться сложнее и для прославления праздности понадобится внушительная общественная пропаганда. Я лишь надеюсь, что последующие страницы убедят лидеров *УМСА*² развернуть кампанию по знакомству молодежи с ничегонеделанием. В этом случае моя жизнь будет прожита не зря.

Прежде чем перейти к доводам в защиту праздности, я должен разделаться с одним распространенным мнением, которое решительно отвергаю.

Зачастую тем, кому хватает средств к существованию и кто при этом желает устроиться на каждодневную работу вроде преподавания в школе или машинописи, ставят в вину, что таким образом они отнимают кусок хлеба у нуждающихся и поступают безнравственно. Если признать этот довод правомерным, то нам следует бездельничать, чтобы на всех хватало хлеба. Однако люди с подобными взглядами забывают о том, что человек обычно тратит то, что зарабатывает, тем самым создавая рабочие места. Человек, который тратит заработанные деньги, обеспечивает хлебом по крайней мере столько же ртов, сколько обделяет. С этой точки зрения настоящий негодяй – тот, кто копит сбережения. Человек, складывающий заработок в кубышку подобно крестьянину старого закала, очевидно никого работой не обеспечивает. Если же он деньги вкладывает, тогда дело обстоит несколько сложнее, и тут возможны варианты.

Самый распространенный способ хранения денег – одолжить их государству. Учитывая тот факт, что народные средства в большинстве цивилизованных стран уходят либо на выплату за прошлые войны, либо на подготовку к новым, человек, отдающий свои сбережения государству, подобен шекспировским злодеям, нанимающим убийц. Результатом экономической деятельности такого индивида будет усиление военной мощи государства, которому он дает займы. Понятно, что лучше бы он свои деньги пропивал или проигрывал.

Позвольте, возразят мне, ведь сбережения можно вкладывать и в промышленность! Я готов с этим согласиться, если предприятие успешно и производит полезный товар. Однако в наши дни никто не станет отрицать, что большинство предприятий прогорает. Таким образом огромное количество рабочей силы, которая могла бы производить что-то полезное, тратится на изготовление машин, простаивающих потом без толку. А человек, вкладывающий средства в концерн, который рано или поздно разорится, вредит и себе, и другим. Потратить он эти деньги, скажем, на пирушки с друзьями, вместе они (будем надеяться) хорошо повеселятся, а кроме того доставят удовольствие всем, у кого что-либо купят: мяснику, пекарю и торговцу спирт-

¹ Написано в 1932 году.

² Ассоциация христианской молодежи, волонтерская организация. Целями программ *УМСА* являются укрепление нравственного и физического здоровья людей, объединение их для общественно-полезной деятельности, воспитание уважения к общечеловеческим ценностям. – *Примеч. пер.*

ным. С другой стороны, вложи он деньги в трамвайные рельсы там, где трамваи никому не нужны, – и масса труда уйдет на то, что никому не доставит радости. Тем не менее человека, обедневшего в результате краха собственных инвестиций, посчитают жертвой неудачного стечения обстоятельств, тогда как веселый гуляка, растративший сбережения на радость людям, прослывет легкомысленным болваном.

Теперь перейдем от вступлений к делу. Я со всей серьезностью утверждаю, что вера в величие работы наносит современному миру огромный вред и что счастье и процветание достигается через организованное сокращение рабочего дня.

Прежде всего, что есть работа? Она бывает двух видов. Первый заключается в изменении положения материи относительно другой части той же материи на или возле поверхности земли; второй – в том, чтобы указывать другим, что нужно делать. Первый вид малоприятен и плохо оплачивается; второй вполне приятен и оплачивается хорошо. Второй вид можно расширять до бесконечности: к нему относятся не только те, кто отдает приказы, но и те, кто дает советы касательно того, какие приказы следует отдавать. Как правило, противоположные советы одновременно поступают от двух организованных групп – это зовется политикой. Для такой работы требуется не знание предмета, в отношении которого дается совет, а мастерское владение искусством убедительно говорить и писать, то есть искусством рекламы.

В Европе – не в Америке – распространен третий тип людей, уважаемых больше, чем любой из двух классов тружеников. Представители этого сословия, унаследовав землю, заставляют других платить за привилегию жить и работать. Казалось бы, раз землевладельцы ничего не делают, я должен их похвалить. Увы, такое праздное существование возможно лишь за счет эксплуатации других. Более того, именно стремлению знати к уютной праздности мы обязаны возникновению культа труда. Таким людям в последнюю очередь нужно, чтобы остальные следовали их примеру.

С момента зарождения цивилизации вплоть до промышленной революции изнурительный труд обеспечивал мужчину лишь немногим больше, чем требовалось для собственного выживания и содержания семьи, притом что, как правило, жена трудилась ничуть не меньше, а дети включались в работу, как только подрастали. С скромные излишки сверх жизненно необходимого никогда не доставались тем, кто их производил, – все забирали воины и церковники. В голодные времена, когда излишков не было вовсе, воины и церковники неизменно продолжали забирать свою долю. В результате многие работяги умирали от голода. Такой порядок просуществовал в России до 1917 года³ и до сих пор существует на Востоке. В Англии, несмотря на индустриальную революцию, он сохранялся вплоть до конца Наполеоновских войн, исчезнув лишь столетие назад, когда к власти пришел новый класс промышленников. Американская революция положила конец этой системе по всей стране, кроме Юга, где та сохранялась до самой Гражданской войны.

Порядок, просуществовавший так долго и закончившийся лишь недавно, наложил глубокий отпечаток в сознании людей. Многие убеждения в нравственной природе труда, которые мы принимаем как данность, являются пережитками той доиндустриальной, не приспособленной к современным условиям системы. Благодаря появившейся технике досуг из прерогативы привилегированного меньшинства превратился в право, доступное практически в равной степени всем гражданам. Доктрина труда – это доктрина рабов, а в современном мире рабству не место.

Очевидно, что земледельцы примитивных общин не стали бы добровольно отдавать свои лишние крохи на пропитание воинов и жрецов, а производили бы меньше или сами съедали бы больше. То есть поначалу излишки из них выколачивали силой. Однако со временем мно-

³ После чего воинов и церковников успешно заменили члены Коммунистической партии.

гих удалось убедить в том, что тяжкий труд – их моральный долг, даже если часть его шла на поддержку чьей-то праздной жизни. Такая мораль значительно уменьшала необходимость в принуждении и, следовательно, сэкономила государственную казну. До сего дня девяносто девять процентов британцев ужаснулись бы предложению сократить доход короля до размеров заработной платы обычного рабочего. На протяжении истории понятие долга служило властью имущим средством подчинения масс интересам хозяев. Сами же власть имущие, естественно, успешно внушают себе, что их интересы совпадают с интересами большей части человечества.

Впрочем, случалось и такое.

Афинские рабовладельцы, например, пожертвовали частью своего досуга на создание непреходящих культурных ценностей, что было бы немыслимо при справедливой экономической системе. Досуг жизненно важен для развития цивилизации, а в прошлом досуг немногих обеспечивался за счет массового труда. Такой труд был ценен не тем, что обеспечивал их работой, а тем, что обеспечивал другим досуг. Теперь же благодаря современной технике свободное время можно распределить справедливо и безо всякого урона цивилизации.

То, что новые технологии позволяют значительно сократить количество труда, необходимого для жизнеобеспечения каждого, стало очевидно во время войны. Тогда из обычной продуктивной деятельности выпали все военнообязанные, все рабочие, которых перекинули на производство оружия и боеприпасов, все мужчины и женщины, задействованные в шпионаже, военной пропаганде или работавшие в правительственных органах на войну. Тем не менее такого высокого подъема средних показателей физического состояния среди неквалифицированных рабочих на стороне Союзников не наблюдалось ни до, ни после. Значимость этого факта притупилась из-за финансовых займов, создававших впечатление, что настоящее кормилось за счет будущего. Впечатление, разумеется, ложное: нельзя съесть батон хлеба, который еще не испекли. Война бесспорно доказала, что при научной организации производства население может жить комфортно, задействуя лишь малую часть рабочего потенциала. Нет бы сохранить тот порядок, который высвободил столько людей для военных нужд, и сократить рабочий день до четырех часов! Увы, после окончания войны все вернулось на круги своя: тех, чья работа была востребована, вновь заставили отрабатывать долгие часы, а остальных бросили голодать без работы. Почему? Да потому что работа – это долг, и платить человеку надо не за то, что он произвел, а за проявленное им трудолюбие.

Налицо мораль рабского государства, примененная в условиях, не имеющих ничего общего с теми, в которых она возникла. Неудивительно, что она привела к катастрофическим результатам.

Рассмотрим такой пример.

Допустим, некая часть населения планеты задействована в изготовлении булавок. Люди производят необходимое количество булавок, работая, скажем, по восемь часов в день. В какой-то момент появляется технология, позволяющая удвоить производительность. Человечеству столько булавок ни к чему. Кроме того, они уже настолько дешевые, что больше продать не удастся и по сниженной цене. В разумном обществе трудовой день на булавочных предприятиях сократили бы до четырех часов, сохранив все остальное без изменений. Однако в реальном мире такой подход сочтут разгильдяйством. Люди продолжают работать по восемь часов в сутки, на булавки не будет спроса, предприниматели разорятся и уволят половину работников, занятых в отрасли. В итоге высвободится столько же времени, как и в первом случае, только половина людей останется без работы, а половина будет по-прежнему перегружена. Такой вынужденный досуг наверняка станет причиной сплошных страданий, а не источником всеобщей радости. Что может быть абсурднее?

Сама мысль о том, что беднякам полагается досуг, никогда не укладывалась в голове у богатых. В Англии начала девятнадцатого века стандартный рабочий день взрослого длился пятнадцать часов, дети же работали по двенадцать, а нередко и столько же, сколько взрослые.

Недовольным, которые высказывались в пользу сокращения трудового дня, говорилось, что работа удерживает взрослых от пьянства, а детям не дает хулиганить. Когда я был ребенком, вскоре после того, как городские рабочие добились права голоса, в законе утвердили несколько праздничных дней, что вызвало бурное негодование у высших классов. Помню, как возмущалась одна герцогиня: «И зачем только беднякам лишние выходные? Пусть работают!» В наше время люди менее откровенны, хотя продолжают так думать, и этим во многом объясняется бардак в современной экономике.

Давайте взглянем на этику работы без обвиняков и предрассудков. Каждый человек в течение жизни неминуемо потребляет некоторое количество результатов чужого труда. Исходя из допущения, что труд, по сути, процесс малоприятный, было бы несправедливо, если человек потреблял бы больше, чем производил. Конечно, не обязательно работать на производстве, можно оказывать услуги, как это делают, например, врачи, но свой хлеб и кров так или иначе нужно зарабатывать. В таком смысле, и только в таком, обязанность работать вполне оправданна.

Не стану углубляться в то, что в современном мире, кроме разве что СССР, многим удастся вовсе не работать. Речь о тех, кто наследует капитал или женится на деньгах. Мне гораздо проще смириться с фактом, что этим людям позволено бездельничать, чем с несправедливостью, ставящей наемных работников перед выбором: трудиться свыше своих сил или голодать.

Работай обыкновенный служащий по четыре часа в сутки, товаров и работы хватило бы на всех – при условии некоторой адекватной реорганизации производства. Богатых подобная мысль ужасает, потому что они убеждены, что бедняки понятия не имеют, куда девать столько свободного времени. В Америке нередко перерабатывают даже очень обеспеченные люди; им, естественно, претит идея досуга для рабочих и служащих – за исключением сурового наказания безработицей. Такие люди не терпят бездействия даже собственных сыновей. При этом любопытно: если от сыновей они требуют, чтобы те работали не покладая рук и не имели времени на культурные излишества, то отсутствие работы у своих жен и дочерей их вполне устраивает. Снобистское кичение бесполезностью, присущее аристократам обоих полов, при плутократии распространяется исключительно на женщин, что, впрочем, все так же далеко от здравого смысла.

Надо признать, разумное препровождение досуга – результат цивилизованности и просвещенности. Тот, кто проработал допоздна всю свою жизнь, заскучает, оказавшись вдруг без дела. Между тем человек, не имеющий достаточно свободного времени, лишает себя многих благ. Нет никаких причин подвергать основную часть населения таким лишениям. Только тупой (и, как правило, внушенный) аскетизм побуждает нас настаивать на самоотверженном труде, когда в последнем исчезла всякая необходимость.

Проповедуемое ныне русским правительством учение достаточно сильно разнится с традиционной западной доктриной, однако кое в чем они совпадают. Отношение правящего класса – и в особенности тех, кто занимается воспитательной пропагандой, – к теме почетности труда практически не отличается от обычных проповедей правящих элит мира так называемым «честным беднякам»: усердие, трезвость, готовность непрерывно работать ради будущих призрачных благ, – все как всегда. Более того, у них даже представители власти по-прежнему выступают наместниками правителя Вселенной, просто теперь правитель зовется «Диалектический материализм».

У победы пролетариата в России есть много общего с победой феминисток в ряде стран. Мужчины веками признавали превосходство женщин в святости и утешали их заверениями, что святость желаннее власти. В конце концов женщины решили добиться и того и другого, так как первые феминистки вняли словам мужчин о пользе благочестия, но не поверили, что политическая власть им ни к чему. Нечто похожее произошло в отношении простых рабочих России.

На протяжении веков богачи и их прихвостни прославляли «честного труженика», простую жизнь, проповедовали вероучение, согласно которому бедному куда легче попасть на небеса, чем богатому, и вообще всячески старались убедить рабочих, что перемещение материи в пространстве облагораживает, – в точности как мужчины пытались заверить женщин, что сексуальное рабство наделяет их особым благородством. В России настолько серьезно восприняли учение о добродетели ручного труда, что рабочих там почитают превыше всех. По сути, это все те же лозунги, но с новой целью: создать армию ударных тружеников для особых заданий. Физический труд сделали идеалом стремлений и основой нравственного воспитания молодежи.

Что ж, возможно, до поры оно и к лучшему. Страна большая, природных ресурсов много, ей необходимо развиваться, а на крупные кредиты рассчитывать не приходится. В таких обстоятельствах упорный труд незаменим и, вероятнее всего, окупится с лихвой. Только что произойдет, когда они достигнут состояния, при котором каждый станет жить комфортно без того, чтобы вкалывать сутки напролет?

На Западе эта проблема решается по-разному. Здесь никто не стремится к экономической справедливости, поэтому львиная доля всей производимой продукции достается малой части населения, среди которых многие попросту не работают. В отсутствие централизованного управления производством мы выпускаем массу никому не нужных вещей. При этом масса трудоспособных людей пребывает в вынужденном бездействии, ведь без них легко обойтись, заставляя других работать сверх меры. Когда эти методы себя исчерпывают, мы затеваем войну. Часть людей начинает производить взрывчатку, другая часть – ее взрывать; мы будто вновь становимся детьми, только что открывшими для себя фейерверки. Чередую и комбинируя эти методы, нам удастся, порой с большим трудом, поддерживать веру в то, что изнуряющий физический труд есть удел простого смертного.

В силу большего экономического равноправия и централизованного управления производством в России эту проблему придется решать иначе. Самым логичным решением после того, как элементарные потребности каждого будут обеспечены, стало бы поэтапное сокращение рабочего дня в зависимости от народного голосования в пользу увеличения либо досуга, либо товаров. Непонятно только, как власти сумеют обосновать стремление к раю, где можно много отдыхать и мало работать, если до того высшей добродетелью считался добросовестный труд. Скорее всего, им придется постоянно находить все новые причины, по которым досугом в настоящем стоит пожертвовать ради изобилия в будущем. Недавно я прочитал о гениальном плане русских инженеров по утеплению Белого моря и северного побережья Сибири за счет постройки дамбы через Карское море. Потрясающий проект, который, однако, отодвинет сладкую жизнь пролетариата на несколько поколений, в то время как честь и доблесть изнурительного труда будет утверждаться над заснеженными просторами и льдами Северного Ледовитого океана. Видимо, культ труда – не что иное, как самоцель, а вовсе не средство достижения состояния, при котором в тяжелом труде отпадет надобность.

Хотя передвижение материи с места на место в какой-то мере необходимо для нашего существования, целью жизни оно однозначно не является. Будь это так, любого землекопа следует почитать больше Шекспира. У данного заблуждения есть две причины. Во-первых, нужно, чтобы бедняки оставались довольны жизнью. Поэтому вот уже тысячи лет богачи неустанно проповедуют честь и достоинство труда, не забывая заботиться о том, чтобы самим оставаться в этом смысле недостойными. Во-вторых, мы приходим в восторг от сознания того, насколько способны преобразовать поверхность земли.

Увы, ни одна из этих причин не вдохновляет обычного рабочего. Вряд ли на вопрос о радостях жизни кто-нибудь ответит: «Меня радует механический труд; работая руками, я выполняю благороднейшее из человеческих предназначений, а еще мне нравится сознавать, что человек способен так сильно преобразить планету. Пусть порой я устаю и нуждаюсь в

отдыхе, который пытаюсь провести как можно продуктивнее, однако по-настоящему счастлив я по утрам, когда возвращаюсь к радостному упорному труду». Никогда не слышал, чтобы работающие люди говорили нечто подобное. Для них работа – необходимое средство жизнеобеспечения. А те немногие удовольствия, которые они получают от жизни, приходится на свободные от работы часы.

Мне возражат: как бы досуг ни радовал людей, им будет трудно придумать, чем его заполнить, работая всего четыре из двадцати четырех часов в сутки. К сожалению, это действительно бич нашего времени, однако такая проблема существовала не всегда. Раньше в жизни было место беспечности и игре, которое до некоторой степени вытеснил культ эффективности.

Современный человек считает, что все должно делаться с какой-то целью, а не просто так. Seriously настроенные личности, например, осуждают привычку ходить в кино, уверяя нас, что кино толкает молодежь на преступления. При этом труд, вложенный в создание фильма, уважается, потому что это работа, которая к тому же приносит доход. Убеждение, что заниматься стоит исключительно тем, что приносит прибыль, перевернуло мир с ног на голову.

Торгующий вырезками мясник и выпекающий хлеб пекарь достойны похвалы, потому что зарабатывают деньги; а вот вы, с удовольствием поедая доставленную ими пищу, тратите время впустую – если только не едите с целью придать себе силы для работы. Вообще считается, что получать деньги – хорошо, а тратить – плохо. Что за абсурд! Ведь это две стороны любой сделки. С таким же успехом можно утверждать, что ключи – вещь хорошая, а замочные скважины – дурная. Ценность производства товаров должна целиком зависеть от того, какие преимущества дает их потребление. В нашем обществе каждый человек работает ради выгоды, однако социальная ценность его труда определяется потреблением того, что произведено. Именно этот разрыв между личной и общественной ценностью так путает людей, особенно в мире, где единственным стимулом производства является получение прибыли. Мы слишком много внимания уделяем производству и совсем мало – потреблению. В результате мы перестали ценить простые удовольствия и судить о продукции по тому, насколько она радует потребителя.

Предлагая сократить рабочий день до четырех часов, я не подразумеваю, что высвободившееся время нужно растрчивать впустую. Я говорю лишь о том, что четырехчасовой работы должно хватать на обеспечение элементарных жизненных нужд и потребностей, а остальное время можно использовать по своему усмотрению. Значительная роль в таком обществе должна уделяться образованию, которое следует продолжать дольше, чем принято сейчас, и направлять на развитие вкуса к осмысленному проведению досуга. Я не имею в виду исключительно занятия для «интеллектуалов». Например, народные танцы практически исчезли отовсюду, кроме каких-то отдаленных поселений, а ведь тяга к таким танцам в людях наверняка сохранилась. Развлечения городского населения в основном перешли в разряд пассивного потребления: люди ходят в кино и на футбольные матчи, слушают радио и тому подобное. Это объясняется тем, что вся их активная энергия уходит в работу; будь у них больше досуга, они вспомнили бы об удовольствиях, в которых можно активно участвовать.

Раньше существовал малочисленный праздный класс и многочисленный класс тружеников. Бездельники наслаждались преимуществами, которым не было оправдания с точки зрения социальной справедливости, и в результате превратились в бездушных угнетателей, изобретающих разные теории для обоснования своего привилегированного положения. Все это значительно подпортило их репутацию, однако именно праздному классу мы почти всецело обязаны тем, что подразумеваем под цивилизацией. Именно они развили науки и искусства, им принадлежат книги, философские учения и социальный этикет. Даже борьба за освобождение угнетенных обычно начиналась сверху. Без праздного класса человечество никогда бы не вышло из первобытного состояния.

И все же праздный класс, не имеющий никаких обязанностей, вел крайне расточительный образ жизни. Никто из его представителей не привык усердствовать, и вся эта прослойка в целом особенным интеллектом не отличалась. Среди них мог случайно появиться Дарвин, но на него приходились десятки тысяч провинциалов, которые в жизни не задумывались над чем-то более интеллектуальным, чем охота на лис и наказание браконьеров. Теперь же университеты, по идее, должны систематически производить то, что праздный класс выдавал случайно как побочный продукт. Это большой прогресс, хотя и тут не обходится без недостатков.

Университетская жизнь настолько далека от жизни в реальном мире, что люди, вращающиеся в академических кругах, мало представляют себе чаяния и заботы обыкновенных мужчин и женщин. К тому же они привыкли выражаться таким образом, что их мнения не оказывают на широкую общественность должного влияния. Другой недостаток в том, что учеба в университете строго упорядочена, а следовательно, нестандартно мыслящий индивид, скорее всего, не найдет поддержки для продолжения своих исследований. Так что академические институты при всей их полезности нельзя считать адекватными стражами интересов цивилизации, если за их стенами ни у кого нет времени на неприбыльные занятия.

В мире, где никого не принуждают работать более четырех часов в день, люди, одержимые научным любопытством, смогут его удовлетворить, художники смогут рисовать без риска умереть с голоду, какими бы ни были их картины. Начинающим писателям не придется привлекать к себе внимание сенсационной халтурой ради экономической независимости, по достижении которой у них пропадут и желание, и способности затевать монументальный труд. Тот, кто в процессе своей профессиональной деятельности заинтересуется какими-либо аспектами экономики или управления, сможет развить свои идеи без риска типичной академической отрешенности от реальности, присущей работам университетских экономистов. У медицинских работников появится время следить за достижениями медицины, учителям не придется мыкаться с традиционными методами преподавания, которым их обучили в молодости и которые между тем, вероятно, устареют.

Самое же главное – на смену напряжению, усталости и несварению желудка придут радость и удовольствие от жизни. Умеренная работа будет вызывать не изнеможение, а лишь желание отдохнуть. Причем человек, не сильно уставший на работе, на досуге не будет предаваться лишь пассивным и бессодержательным развлечениям. По крайней мере один процент наверняка посвятит свободное от профессиональной деятельности время общественно важной работе; а раз в этих увлечениях не будет жизненной необходимости, то никто не станет ограничивать полет фантазии и не надо будет подстраиваться под стандарты, установленные признанными учеными мужами.

Преимущества увеличенного досуга проявятся во всем, не только в этих исключительных случаях. Обыкновенные мужчины и женщины, получив возможность жить счастливо, подобреют, станут менее требовательными и менее враждебными. Желание воевать отомрет отчасти по этой причине, а отчасти потому, что война будет означать возврат к долгой и изнурительной работе.

Среди всех моральных качеств мир больше всего нуждается в добродушии, а добродушие есть следствие легкой и безопасной жизни, а не постоянного преодоления. Современные средства производства дали нам возможность легкой и безопасной жизни для всех; а мы вместо этого решили завалить работой одних и заморить голодом других. До сих пор мы, как дураки, продолжаем работать с тем же усердием, что и до появления машин... Но не оставаться же нам дураками вечно!

Глава II

«Бесполезные» знания

«Знание – сила», – утверждал Фрэнсис Бэкон, который достиг больших высот, предавая друзей. Вывод этот, несомненно сделанный на основе личного опыта, едва ли справедлив в отношении любого знания.

Сэра Томаса Брауна, например, интересовало, какую песню пели сирены, однако сомневаюсь, что ответ на этот вопрос помог бы ему, городскому чиновнику, стать верховным шерифом графства. Бэкон явно имел в виду так называемые научные знания. Подчеркивая важность наук, он не ко времени возрождал традиции арабов и раннего Средневековья, согласно которым знания в основном касались астрологии, алхимии и фармакологии, относившихся тогда к отраслям науки. Ученым считался человек, постигший эти дисциплины и овладевший искусством магии. В начале одиннадцатого века лишь за то, что читал книги, папа Сильвестр II прослыл колдуном, продавшим душу дьяволу. Просперо, вымышленный персонаж Шекспира, в течение столетий являл собой обобщенный образ ученого, по крайней мере в том, что касалось его колдовской силы. Бэкон, как мы теперь убедились, не ошибался: волшебная палочка науки способна наделить таким могуществом, которое и не снилось некромантам прежних веков.

Эпоха Возрождения, во времена Бэкона достигшая в Англии своего пика, сопровождалась бунтом против чисто прагматического взгляда на знание. Древние греки знали Гомера так же, как мы – песни мюзик-холла, потому что он доставлял им удовольствие, и никто не считал это обучением. А вот жителям шестнадцатого века он не давался без серьезной лингвистической подготовки. Они восхищались греками и не желали отказывать себе в удовольствиях, копируя их как в чтении, так и в том, о чем не принято говорить открыто. Обучение перешло при Ренессансе в разряд *joie de vivre*⁴ наряду с выпивкой и занятием любовью. Помимо литературы веяние это распространилось и на точные науки. Многим известна история о том, как Томас Гоббс открыл для себя Евклида. Наткнувшись случайно в книге на теорему Пифагора, Гоббс воскликнул: «Да быть того не может!» – и принялся читать доказательство с конца, пока не дошел до исходных аксиом, которые его наконец убедили. Без сомнения, в тот момент он испытал чистейшее наслаждение, неоскверненное мыслью о пользе геометрии для измерения земельных наделов.

Безусловно, во время Ренессанса древним языкам нашлось и практическое применение. В теологии одним из первых результатов нового интереса к классической латыни стало разоблачение поддельных указов и дарственных императора Константина. А неточности, обнаруженные в «Вульгате» и «Септуагинте», сделали древнегреческий и иврит обязательной составляющей в полемике протестантских богословов. Республиканские догмы Греции и Рима пошли в ход для оправдания сопротивления пуритан Стюартам, а иезуитов – монархам, которые не признавали верховенство папы римского. Однако все это было скорее следствием, нежели причиной возрождения классической школы, достигшей наивысшего размаха в Италии примерно за сто лет до Лютера. Главной же движущей силой Ренессанса было интеллектуальное наслаждение, восстановление богатства искусства и свободы мысли, утраченных за то время, что разум пребывал в тисках невежества и суеверий.

Как выяснилось, древние греки посвящали себя не только литературе и искусству, но и занимались философией, геометрией и астрономией. Эти науки уважали, к остальным же дисциплинам относились по-разному. Медицина, например, хоть и почиталась благодаря Гиппократу и Галену, приравнивалась к магии и практиковалась почти исключительно арабскими и

⁴ Радость жизни (фр.) – Примеч. пер.

еврейскими знахарями. Отсюда и сомнительная репутация людей вроде Парацельса. С химией дела обстояли еще хуже: она оставалась в загоне вплоть до восемнадцатого века.

Таким образом, владение древнегреческим и латынью наряду с поверхностными знаниями геометрии и, пожалуй, астрономии вошло в интеллектуальный набор любого джентльмена. Сами греки пренебрегали практическим использованием геометрии, а для астрономии нашлось применение лишь в период упадка, да и то под видом астрологии. В шестнадцатом и семнадцатом веках математика изучалась в основном с эллинской отрешенностью, в то время как остальные науки впали в немилость из-за их связи с колдовством.

Переход к знанию как к более широкому и прикладному понятию, постепенно происходивший на протяжении восемнадцатого века, получил резкий толчок в связи с Великой французской революцией и развитием техники. Первая нанесла удар по аристократической культуре, последняя открыла новые, невиданные доселе возможности для отнюдь не аристократических навыков. В течение последних ста пятидесяти лет «бесполезные» знания подвергались все более серьезным сомнениям, тогда как убежденность, что важны лишь те знания, которые пригодны в экономической жизни общества, росла и крепла.

В странах с традиционной системой образования, таких как Франция и Англия, увлеченность прикладной стороной знания преобладала лишь отчасти. До сих пор в университетах можно встретить профессоров, преподающих китайскую классику и незнакомых при этом с работами Сунь Ятсена, основавшего современный Китай. До сих пор можно встретить знатоков древнейшей истории в представлении авторов высокого стиля, то есть до Александра Македонского в Греции и Нерона в Риме; изучать более актуальную историю они не желают из-за литературного несовершенства писавших ее историков. Тем не менее даже во Франции и Англии старые традиции отмирают, а в более современных странах, таких как Россия и Соединенные Штаты, они и вовсе полностью искоренены.

Американские комитеты по образованию, например, утверждают, что в деловой корреспонденции большинство людей использует всего тысячу пятьсот слов, и посему настаивают на исключении остального словарного запаса из школьной программы. Британцы пошли еще дальше и изобрели «базовый английский», сократив необходимый для общения лексикон до восьми сотен слов. Представление о том, что речь может обладать эстетической ценностью, отходит в прошлое и заменяется суждением, что единственное назначение слов – передавать информацию.

В России погоня за целесообразностью еще более фанатична, чем в Америке: в учебных заведениях преподается только то, что служит определенным целям в образовании или управлении. Исключение делается лишь для «теологов»: должен ведь кто-то изучать священные манускрипты в оригинале на немецком языке, да горстке профессоров разрешено заниматься философией для защиты диалектического материализма от нападок буржуазных метафизиков. Не сомневаюсь, что как только ортодоксальность окончательно утвердится, замуруют и эту лазейку.

Повсюду знание перестает цениться само по себе или как средство всестороннего гуманитарного познания жизни в общем, становясь просто частью обязательных практических умений. Таков признак повсеместной интеграции общества, вызванной научно-техническим прогрессом и требованиями военного времени. Настолько тесной взаимозависимости между экономикой и политикой, как сейчас, еще не бывало, и человек подвергается все большему социальному давлению, вынуждающему его вести образ жизни, который кажется целесообразным соседям.

Учебные заведения, кроме тех, что доступны самым богатым, или которых (в Англии) не трогают в силу их древности, не могут тратить деньги по своему усмотрению, а должны убеждать Государство, что выполняют свое назначение: обеспечивают правильно обученных верноподданных. Все это неотъемлемая часть движения, которое привело к обязательной воен-

ной службе, организациям бойскаутов, политическим партиям и разжиганию политических страстей прессой. Мы более чем когда-либо подстраиваемся под сограждан, больше заботимся (если мы порядочные люди) о том, чтобы им не навредить, но и чтобы они, упаси бог, не навредили нам. Мы осуждаем тех, кто праздно наслаждается жизнью, каким бы возвышенным ни было их времяпрепровождение. Мы полагаем, что каждый обязан внести свой вклад в общее правое дело (что бы это ни значило), тем более что у правого дела масса врагов, с которыми постоянно приходится бороться. Поэтому мы не можем позволить разуму расслабиться и выделить место для иных знаний, нежели тех, которые помогают нам в борьбе за то, что в тот момент считается важным.

В защиту утилитарного взгляда на образование говорит многое. Невозможно изучить все до вступления во взрослую жизнь, да и «полезные» знания, безусловно, очень полезны. Они – фундамент современного мира. Без них не было бы ни станков, ни автомобилей, ни железных дорог, ни аэропланов; кстати, также не было бы и нынешней рекламы с пропагандой. Современные знания поспособствовали улучшению всеобщего здоровья и одновременно изобретениям множества способов отравления больших городов ядовитыми газами. Все, что отличает наш мир от прошлого, уходит корнями в «полезные» знания. От них пока не готово отказаться ни одно общество, и задача образования, вне всякого сомнения, – их культивировать.

Следует признать, что громадная часть традиционного культурного воспитания бессмысленна. Мальчикам многие годы вбивали латынь и древнегреческий, на которых они в итоге либо не могли, либо не хотели (за малым исключением) читать книги. Изучение современных языков и истории гораздо предпочтительнее латыни и древнегреческого во всех смыслах. Они не только полезнее, но и позволяют намного быстрее приобщиться к обширной мировой культуре.

Для итальянца пятнадцатого века знание древнегреческого и латыни служило ключом к культурному наследию, поскольку все, что стоило прочесть помимо трудов на итальянском, было написано на этих языках. С тех пор появилась литература на стольких современных языках, а цивилизация продвинулась так далеко в своем развитии, что эрудиция в античности не так актуальна для решения нынешних задач, как знания о современных государствах и их относительно недавней истории. Кругозор традиционного школьного учителя, прекрасно подходивший для эпохи Возрождения, стал слишком узок, потому что не вобрал в себя изменения, произошедшие в мире после пятнадцатого века. И дело не только в истории и иностранных языках. Должным образом преподаваемые естественные науки также вносят вклад в культурное воспитание. Именно поэтому утверждение о том, что образование должно иметь и другие цели, помимо практической пользы, не означает возврат к традиционным учебным программам. Полезность и культура, в их широком понимании, оказываются гораздо более совместимы, чем это кажется фанатичным приверженцам лишь одной из сторон.

Даже когда культура не связана напрямую с практикой, в знаниях, которые нельзя непосредственно использовать для повышения эффективности, есть косвенная польза. Думаю, что многие недостатки современности удалось бы устранить, будь у нас больше таких знаний и меньше одержимости сугубо прикладными навыками.

Сосредоточение умственной активности целиком на какой-то одной определенной цели в конечном итоге выбивает большинство людей из равновесия, а порой и доводит до нервных срывов. Военные, определявшие стратегию Германии во время войны, совершали ошибки, как, скажем, подводная битва за Атлантику⁵, которая привела Америку на сторону Союзников и которая любому человеку со свежим взглядом показалась бы неразумной. Однако немцы не могли оценить ее здраво в силу умственного перенапряжения и нехватки отдыха. То же наблю-

⁵ Речь о военной кампании во время Первой мировой войны, когда Великобритания и ее союзники сражались с Германией за господство в Атлантическом океане. – *Примеч. пер.*

дается всякий раз, когда люди пытаются решать задачи, требующие непрерывной умственной нагрузки и длительного сдерживания естественных порывов.

Японские империалисты, русские коммунисты, немецкие нацисты – всех их отличает иступленный фанатизм, сопутствующий одержимому преследованию определенных целей. Когда эти цели действительно так важны и достижимы, как видится их фанатикам, успех может стать грандиозным. К сожалению, в большинстве случаев узость видения приводит к тому, что какие-то мощные противодействующие силы либо упускаются из виду, либо воспринимаются как дело рук дьявола, заслуживающее жестокого наказания.

Взрослым, как и детям, необходимы игры, то есть периоды деятельности, не имеющей иных целей, чем простое сиюминутное наслаждение. А чтобы игры выполняли свою функцию, нужно уметь находить удовольствие и заинтересованность в том, что не связано с работой.

Развлечения современного городского населения становятся все более пассивными и массовыми, они все больше состоят в бездейтельном созерцании искусных действий других. Несомненно, развлекаться лучше так, чем вообще никак, и все же у населения, имеющего благодаря образованию широкий круг духовных, не связанных с работой потребностей, развлечения могут быть куда качественнее.

Более оптимальная экономическая система, позволяющая воспользоваться преимуществами техники, должна привести к значительному увеличению свободного времени, которое быстро станет утомительным для любого, у кого в запасе не окажется достаточно интеллектуальных интересов и занятий. Счастливыми в ситуации продолжительного досуга могут быть лишь граждане образованные, наученные не только применять полученные знания на практике, но и испытывать чисто интеллектуальное наслаждение.

Культурная составляющая, успешно усвоенная в процессе получения знаний, формирует характер мыслей и желаний человека, побуждая его хотя бы отчасти уделять внимание вопросам, не имеющим непосредственного отношения к его персоне. Многим кажется само собой разумеющимся, что человек, получив определенные возможности посредством знаний, непременно использует их на благо общества. Однако сугубо утилитарный взгляд на образование не учитывает необходимости тренировать не только навыки, но и намерения. Необученной человеческой натуре присуща жестокость, которая проявляется и в большом, и в малом. Мальчики в школе часто травят новичков или тех, кто одет не как все. Многие женщины (да и немало мужчин) умышленно распространяют злобные сплетни. Испанцы наслаждаются боем быков, британцы упиваются охотой и стрельбой. Те же порывы, но в гораздо более серьезной форме, проявляются в гонении евреев в Германии или кулаков в России. Империализм дает волю жестокости, а в случае войны возводит ее в наивысшую форму проявления общественного долга.

Здесь надо оговориться, что жестокими бывают и высокообразованные люди, однако я не сомневаюсь, что среди них агрессоры встречаются реже, чем среди людей с неразвитым интеллектом. Задиры в школах редко отличаются хорошей успеваемостью. Зачинщики линчевания почти поголовно – невежи. Так происходит не потому, что умственное развитие способствует проявлению гуманности, хотя и это не исключено, а скорее потому, что образованным людям доступны другие интересы, нежели досаждать соседям, и другие источники самоуважения, нежели демонстрация собственной власти.

Больше всего в этом мире люди хотят властвовать и вызывать восхищение. Невежественные люди могут удовлетворить оба эти желания лишь за счет грубой силы, включающей физическое порабощение. Образованность снабжает человека менее варварскими способами достижения власти и более заслуживающими восхищения действиями. Галилей добился таких перемен в мире, о каких не мечтал ни один монарх, а его влияние неизмеримо превзошло власть тех, кто его преследовал. Так что самому Галилею незачем было становиться преследователем.

Пожалуй, главное достоинство «бесполезного» знания в том, что оно прививает привычку размышлять. В мире слишком много рвения не только к непродуманным заранее действиям, но и к случайным поступкам, от которых мудрый человек воздержится. У этой склонности есть много любопытных проявлений. Мефистофель внушал своему юному ученику, что теория суха, а древо жизни зеленеет, и все приписывают эти слова Гёте, хотя тот всего лишь предположил, чему мог учить дьявол. Гамлет считается зловещим предостережением против бездейственного раздумья, однако почему-то никто не считает Отелло предостережением против бездумных действий. Профессора-снобы вроде Бергсона, восхваляющие деятельного человека, хулят философию, говоря, что жизнь должна напоминать кавалерийскую атаку. Со своей стороны я думаю, что действовать лучше всего исходя из глубокого понимания Вселенной и человеческой участи, а не под влиянием необузданного порыва к романтическому, но неадекватному самоутверждению. Привычка довольствоваться мыслями, а не действиями защищает от опрометчивости и чрезмерной жажды власти, сохраняет рассудок в беде и присутствие духа среди волнений. Жизнь, всецело вращающаяся вокруг собственной персоны, рано или поздно становится нестерпимой. Только окно в больший и менее издерганный мир помогает переносить жизненные невзгоды.

Привычка размышлять полезна в самых разных ситуациях, от совсем тривиальных до очень серьезных. Начнем с мелких неприятностей вроде блох, опоздания на поезд или неговорчивых деловых партнеров. Такие мелочи, казалось бы, едва ли заслуживают глубоких размышлений о чудесах героизма или мимолетности человеческих бед, и тем не менее вызываемое ими раздражение способно сильно испортить настроение и лишить радости жизни. В подобные моменты очень пригодится какой-либо посторонний факт, имеющий реальную или воображаемую связь с раздражающей ситуацией, а может, даже и вовсе к ней не относящийся, а просто отвлекающий от неприятных мыслей. Когда на вас орет побелевший от гнева начальник, приятно вспомнить главу декартовского «Трактата о страстях» под названием «Почему бледнеющие от ярости люди опаснее тех, что багровеют». Человеку, который беспокоится по поводу незадавшегося международного сотрудничества, неплохо бы вспомнить о возведенном в ранг святых короле Людовике IX. Прежде чем отправиться в крестовый поход, тот вступил в сговор со Старцем горы, которому в «Тысяче и одной ночи» приписывается чуть ли не половина мирового зла. Когда вас начинает угнетать жадность капиталистов, можно найти утешение в знании, что Брут, эталон республиканской порядочности, одолжил деньги одному городу, а когда горожане не смогли выплатить назначенную сорокапроцентную ставку, нанял частную армию для его осады.

Знание любопытных фактов делает неприятное менее неприятным, а приятное еще приятнее. Я получаю куда больше удовольствия от персиков и абрикосов с тех пор как узнал, что их впервые начали выращивать в Китае на заре династии Хань, что китайские пленники великого царя Канишки распространили их в Индии, откуда те пришли в Персию и достигли Римской империи в первом веке нашей эры, что слово «*apricot*» происходит из того же латинского корня, что и «*precocious*» (скороспелый), потому что абрикосы поспевают рано, и что буква «а» в начале появилась вследствие этимологической ошибки. Теперь абрикосы для меня несравнимо слаще!

Примерно сто лет назад группа благонамеренных филантропов учредила общества с целью «распространения полезных знаний», в результате чего у людей пропал вкус к «бесполезным» знаниям.

Открыв наугад «Анатомию меланхолии» Бертон в день, когда мне угрожало именно такое состояние, я узнал о существовании «меланхолической субстанции». В то время как некоторые полагают, что она является производной от всех «жизненных соков», преобладающих в четырех темпераментах, «Гален утверждает, что в ней присутствуют только три, исключая флегму, или мокроту, и убеждение оное разделяют Валериус и Менардус, равно как и

Фуций, Монтальто и Монтано. Как может, вопрошают они, белое вдруг почернеть?». Несмотря на такой неопровержимый довод, Геркулес Саксонский и Кардан, Гварнери и Лауренцио придерживались, если верить Бертону, противоположного мнения. Убаюканная этими древними дебатами, моя меланхолия, вызванная то ли тремя, то ли четырьмя телесными жидкостями, рассеялась. Более эффективное средство от излишнего рвения трудно себе и представить.

Несмотря на то что тривиальная образованность способна скрасить нам мелкие житейские невзгоды, главная ценность размышлений проявляется во времена более серьезных несчастий: смерти, боли, жестокости и слепого шествия наций навстречу бессмысленной катастрофе.

Разочарованные в догматической религии, люди стремятся найти ей замену, если, конечно, не скатываются в грязь, грубость и примитивное самоутверждение. Мир заполнили озлобленные эгоцентричные группы, ни одна из которых не способна увидеть человеческую жизнь как часть единого целого, и каждая скорее уничтожит цивилизацию, чем уступит хоть на дюйм. От подобной ограниченности узконаправленное образование не излечит. Противоядие – в том, что касается индивидуальной психологии, – следует искать в истории, биологии, астрономии и других дисциплинах, которые позволяют личности увидеть себя в истинном свете без ущерба самоуважению. Здесь нужна не какая-то конкретная информация, а такие знания, которые дают представление о назначении человеческой жизни в целом: искусство и история, знакомство с жизнью героических личностей и понимание удивительной случайности возникновения человека и его эфемерности в масштабах Вселенной. Знания, которые вызывают чувство гордости за людей: за их способность видеть, узнавать, проявлять великодушие, мыслить и понимать. Именно широкое восприятие в сочетании с беспристрастием и рождает мудрость.

Жизнь, во все времена наполненная страданием, угнетает теперь даже больше, чем в два предшествующих столетия. Попытка избежать боли толкает человека на обывательщину, самообман и рождение нескончаемых коллективных мифов. Увы, они приносят лишь временное облегчение, которое рано или поздно усиливает источники страданий. Как с личными, так и с общественными неудачами можно справиться, только задействуя волю и разум: волю – чтобы не давать себе смириться со злом и соглашаться с невыполнимыми планами, а разум – чтобы разобраться в проблеме, найти решение, если она решаема, или же принять ее как неизбежную и облегчить муки, посмотрев на неудачу с разных сторон и вспомнив о том, что за ее пределами существуют другие края, другие времена и безграничные межзвездные пространства.

Глава III

Архитектура и социальные проблемы

С незапамятных времен архитектура выполняла две функции. С одной стороны, чисто практическую: обеспечить кров и защиту, с другой – политическую: внушить миру некоторую идею, воплотив ее в камне. Жилища бедняков несли лишь первую функцию, тогда как храмы и дворцы правителей проектировались с целью вызвать восхищение и трепет перед властью богов и их земных наместников. В редких случаях прославлялись не отдельные монархи, а целые сообщества. Так, Акрополь в Афинах и Капитолий в Риме являли имперское могущество этих славных городов в назидание их подданным и союзникам. Эстетика приветствовалась в общественных зданиях, а позже во дворцах плутократов и императоров, и не предназначалась для крестьянских лачуг или трущоб городского пролетариата.

В Средние века, несмотря на довольно сложную социальную организацию, эстетической составляющей архитектуры уделялось так же мало, если не меньше, внимания. Замки служили в первую очередь крепостями, а красивыми выходили разве что случайно. Самыми прекрасными средневековыми строениями мы обязаны не феодализму, а Церкви и торговле. Соборы прославляли Бога и Его епископов. Торговля шерстью между Англией и Нидерландами, расцветшая благодаря английским королям и бургундским герцогами, послужила поводом создания великолепных суконных палат и мэрий Фландрии и – пусть и несколько менее впечатляющих – рынков Англии. И все же до совершенства архитектуру коммерческих рядов довела родина современной плутократии Италия.

Венеция – невеста моря, город, сворачивающий с пути крестоносцев и поставивший на колени всех христианских монархов; в его Дворце дождей и палаццо богатых купцов нашел отражение новый вид величественной архитектурной красоты. В отличие от неотесанных баронов Севера, городские магнаты Венеции и Генуи не нуждались в уединении и обороне, а жили бок о бок и создавали города, поражающие каждого не шибко дотошного путника великолепием и парадной эстетикой. Скрывать нищету в Венеции удавалось вообще без труда: трущобы ютились в глухих переулках, недоступных взорам проплывающих на гондолах зевак. То было время полного и безвозвратно ушедшего владычества плутократии.

Церковь в Средние века возводила не только соборы, но и сооружения, имеющие непосредственное отношение к современной жизни: аббатства, монастыри и колледжи. Основой им служила определенная форма коммунизма, рассчитанная на мирную социальную жизнь. В этих зданиях все личное сводилось к спартанскому минимуму, а все общее строилось с размахом и роскошью. Смиренному монаху полагалась жесткая голая келья, зато о величии ордена заявляли огромные шикарные залы, часовни и трапезные. В Англии монастыри и аббатства дошли до нас в основном в виде руин, которые радуют лишь туристов, а вот колледжи в Оксфорде и Кембридже до сих пор являются важной частью жизни нации, оставаясь при этом памятниками красоты средневекового общинного порядка.

С распространением Ренессанса на север неотесанные бароны Франции и Англии задались целью навести у себя лоск по типу итальянских богачей. Пока Медичи выдавали своих дочерей за королей, поэты, художники и архитекторы к северу от Альп перенимали флорентийские модели, и знать поменяла замки на загородные виллы, которые своей незащищенностью от нападений ознакомили новые безопасные времена для придворной просвещенной знати. Однако Великая французская революция положила той безопасности конец, и традиционные архитектурные стили утратили свою жизнеспособность. Они остались лишь там, где сохранились старые формы правления, как в наполеоновских достройках к Лувру, вот только

их напыщенная безвкусица вопиет о комплексах императора. Он словно задался целью опровергнуть излюбленное причитание своей матери *«Pourvu que cela dure»*⁶.

В девятнадцатом столетии преобладают две архитектурные формы, обязанные своим появлением автоматизации производства и демократическому индивидуализму: заводские трубы, с одной стороны, и ряды малюсеньких домишек для семей рабочих, с другой. В то время как заводы представляют собой организацию экономики, возникшую в результате индустриализации, домишки свидетельствуют о социальной разобщенности – идеале общества индивидуалистов. Там, где высокая цена на землю располагает к строительству больших зданий, в них также налицо чисто архитектурная, а не социальная общность: это офисные блоки, многоквартирные дома или гостиницы, обитатели которых не принадлежат к единому сообществу, как монахи в монастыре, а всеми силами стремятся к тому, чтобы как можно меньше замечать существование соседей.

По всей Англии, где только позволяет цена на землю, утверждается принцип отдельного дома для каждой семьи. Бесконечные ряды таких домов тянутся вдоль железных дорог на подъездах к Лондону или любому другому североевропейскому городу. Каждый домик – центр жизни отдельно взятого человека, а социальное общение имеет место лишь в конторе, на фабрике или в шахте, в зависимости от региона. Социальная жизнь вне семьи (по крайней мере в ее архитектурном выражении) сводится исключительно к экономической деятельности, а потребности в общении, не связанном с экономикой, люди должны удовлетворять в семье либо подавлять. Если судить о представлениях об идеальном обществе по эстетическим качествам архитектуры соответствующей эпохи, последние сто лет можно смело отнести к худшим временам в истории человечества.

Заводы и ряды неказистых домишек воплощают в себе любопытнейшее противоречие современности. Производство все больше рассчитано на массы, а наши интересы во всем, что не касается политики и экономики, становятся все более индивидуалистическими. Это проявляется не только в культуре и искусстве, где самовыражение вылилось в анархические протесты против вообще любых традиций и обычаев, но и (возможно, как реакция на чрезмерную скученность населения) в повседневной жизни простых мужчин и в еще большей степени – женщин.

На фабриках социальная жизнь происходит волей-неволей, о чем свидетельствует возникновение профсоюзов, а дома каждая семья жаждет уединения. «Я сохраняю себя ради себя», – говорят женщины, в то время как их мужей греет мысль о жене, ждущей возвращения хозяина домой. Такое мышление помогает женщинам выдержать, если не предпочесть, жизнь в отдельном домике с собственной кухонькой, каторжной работой по хозяйству и воспитанием детей в одиночку. Их доля тяжела, жизнь монотонна; в собственном доме женщина практически пребывает в заточении, и все же она предпочитает такой образ жизни более общинному, потому что умение справляться с делами самостоятельно тешит ее самолюбие.

Популярность архитектуры такого типа неотделима от положения женщин. Феминизм и право голоса ничуть не изменили участь жен, по крайней мере в среде наемных работников. Жена по-прежнему зависит от заработка мужа и не имеет дохода, несмотря на пожизненный усердный труд. Роль профессиональной домохозяйки предполагает наличие дома, в котором можно хозяйничать. Присущая большинству представителей человеческого рода потребность в самовыражении для женщины не имеет иного выхода, чем посвятить себя дому. Муж, со своей стороны, радостно соглашается с тем, чтобы жена работала на того, в чьей финансовой зависимости находится, то есть на него. Причем жена и отдельный дом отвечают его собственническим потребностям больше, чем любой другой тип существования. Взаимное чувство соб-

⁶ Искаженная корсиканским произношением французская фраза *«Pourvu que ça dure»* – «Хоть бы ничего не менялось». – Примеч. пер.

ственности в браке позволяет как мужу, так и жене компенсировать тоску по социальной жизни сознанием, что у другой половинки не так уж и много возможностей общаться с потенциально опасными особами противоположного пола. Таким образом, хоть жизнь обоих скучна, а у женщин и излишне тяжела, ни один из них не желает иной социальной организации.

Все было бы иначе, если бы замужние женщины – в виде правила, а не исключения – сами зарабатывали деньги вне дома. Среди профессионалов в больших городах уже есть немало жен, самостоятельно зарабатывающих себе на жизнь. Это неплохое начало, но таким женщинам недостает службы помощи по хозяйству или коммунальной кухни, которые частично освободили бы их от домашних обязанностей, равно как и детских садов, способных позаботиться о детях в рабочие часы. Считается, что замужней женщине не по душе работать вне дома и, если после рабочего дня ей приходится выполнять всю работу по дому, как это делают домохозяйки, она наверняка долго не протянет. Однако при правильном подходе к архитектуре женщин можно разгрузить и по хозяйству, и по уходу за детьми, что пойдет на пользу и им, и их мужьям, и их детям; в этом случае замена традиционных обязанностей жен и матерей на профессиональную деятельность бесспорно пойдет во благо. С этим согласился бы любой муж классической домохозяйки, побыв с неделю на ее месте.

Труд жен работающих мужчин, будучи бесплатным, никогда не модернизировался; на самом же деле в нем много лишнего, и многие задачи можно распределить по разным специалистам. Однако первым шагом в этом направлении должна стать архитектурная реформа. Необходимо создать такие же благоприятные общинные условия, какими располагали монахи в средневековых монастырях, – за исключением обета безбрачия. Иными словами, необходимо позаботиться о потребностях детей.

Сначала разберемся с недостатками современной системы, при которой домашнее хозяйство каждой рабочей семьи – будь то отдельный дом или комнаты в многоквартирном блоке – полностью автономно.

Пуще всего в такой ситуации страдают дети. До школьного возраста они слишком мало бывают на воздухе и солнце, кормит их мать, у которой не хватает средств, знаний и времени на отдельное подходящее питание для ребенка, дети постоянно путаются под ногами, когда она готовит и делает прочие домашние дела, из-за чего действуют ей на нервы и получают нагоняи (вперемешку с ласками, если повезет); у них нет ни свободы, ни условий, где можно играть и шалить. В подобной обстановке они вырастают слабыми, нервными и подавленными.

Жизнь матери ничуть не слаще. Ей приходится сочетать в себе обязанности воспитательницы, поварихи, уборщицы. Поскольку ни одной из этих профессий она не обучена, едва ли у нее получается хорошо. Вместо радости ее постоянно одолевают усталость и раздражение на детей. Муж, приходя с работы, может отдохнуть, она же не знает отдыха и в конце концов практически неизбежно становится уколобой брюзгой с непреходящим чувством зависти.

Положение мужчины куда менее плачевное, поскольку дома он проводит меньше времени. А когда он дома, ему вряд ли доставит удовольствие нудное ворчание жены или «плохое» поведение детей. Скорее всего, он во всем обвинит жену (хотя следует винить архитектуру) с неприглядными последствиями, которые варьируются в зависимости от степени его жестокости.

Конечно, я не утверждаю, что такое происходит повсеместно, но там, где этого нет, все держится на недюжинной самодисциплине, мудрости и физической выносливости матери. Очевидно, что система, требующая исключительных качеств от человека, будет успешно работать лишь в исключительных случаях. Негодность такой системы не опровергнуть наличием редких удачных примеров, где нет серьезных проблем.

Все эти недуги можно разом излечить, заменив архитектуру на более общинную. Следует снести все эти отдельные домики и квартирки с отдельными кухнями, а на их месте построить высокие здания, образующие четырехугольник с общим двором. Причем южную его сторону

надо оставлять низкой, чтобы во двор светило солнце. Кухня должна быть тоже общей, а рядом с ней – просторная столовая и другие общедоступные пространства для встреч, развлечений, совместных просмотров фильмов.

В центре двора нужно расположить детский садик, построенный с таким расчетом, чтобы дети не могли причинить вред себе или окружающим предметам: там не должно быть ни лестниц, ни открытых каминов или печей; тарелки, чашки и прочая посуда должны быть из небьющегося материала, и вообще желательно избегать в обстановке того, что детям придется запрещать. При хорошей погоде занятия с детьми должны проводиться на открытом воздухе, а при плохой – если, конечно, на улице не совсем ужасно – в открытом помещении. Кормить детей следует тоже в детском саду, в котором без труда и довольно дешево можно обеспечить более здоровое питание, чем дома. После прекращения грудного кормления и до того, как им идти в школу, детям стоит проводить все дни с утра до вечера в детском саду, где можно играть вволю под минимальным присмотром для их же безопасности.

Такая жизнь очень благотворно отразится на детях. Они будут здоровы благодаря пребыванию на солнце и свежем воздухе, простору и качественному питанию; у них окрепнет характер благодаря свободе и отсутствию постоянных запретов и одергиваний, с которыми сталкивается в детстве большинство трудового населения. Свобода действия, обеспечить которую можно только в специально спроектированном пространстве и которая в детском саду может быть чуть ли не полной, разовьет в детях любознательность и укрепит их силы так же естественно, как это происходит у детенышей животных. Постоянные запреты и ограничения свободы вызывают у детей недовольство и скованность в последующей жизни, а избежать таких ограничений в помещении, которое дети делят со взрослыми, практически невозможно. В общем, детский сад благотворно скажется и на их характере, и на их здоровье.

Выигрыш для женщин будет настолько же примечательным. Как только ребенок отучится от грудного кормления, его можно в течение дня доверить специально обученным воспитательницам. Женщинам не придется больше покупать и готовить еду, мыть потом посуду. Так же, как и мужчины, они будут уходить с утра на работу, а вечером возвращаться домой; так же, как и мужчины, они будут чередовать работу и досуг вместо того, чтобы бесконечно заниматься делами. Они будут видеть детей по утрам и вечерам – достаточно для любви и недостаточно для раздражения. Матерям, проводящим с детьми дни напролет, едва ли хватает энергии на игры, поэтому чаще всего с детьми играют отцы. Каким бы любящим ни был взрослый, никому не справиться без отдыха с требующими неотступного внимания детьми. А в конце дня, проведенного порознь, и матери, и ребенку общение будет в радость. Физически усталые, но психически уравновешенные дети куда больше обрадуются материнской любви после нейтрального отношения воспитательниц. Все достоинства семейной жизни сохранятся без риска тревожащих и разрушительных последствий чрезмерной привязанности.

У мужчин и женщин появится возможность вырываться из крошечных убогих комнатшек в просторные общественные помещения, которым ничто не мешает придать великолепие университетских залов. Красота и простор больше не будут прерогативой богатей. Настанет конец раздражению из-за постоянного пребывания в небольшом замкнутом пространстве, что тоже зачастую отравляет семейное счастье.

Все эти перемены могут стать результатом архитектурной реформы.

Предложенная Робертом Оуэном более ста лет назад концепция «кооперативного параллелограмма», призванная обеспечить трудящихся преимуществами общежития, вызвала немало насмешек. Пожалуй, в условиях поголовной нищеты его предложение и было преждевременным, зато сейчас многие из тех идей вполне осуществимы и желательны. Сам он сумел учредить ясли в Нью-Ланарке на очень прогрессивных принципах. Единственное, его ввела в заблуждение специфика Нью-Ланарка, из-за чего он рассматривал свои «параллелограммы» как производственные ячейки, а не просто места для жилья.

Вообще, в индустриализме основной упор с самого начала делается на производство, тогда как потреблению и обычной жизни уделяется слишком мало внимания. Это следствие погони за прибылью, которая ассоциируется исключительно с производством. В результате на фабриках действуют научные методы и разделение труда доведено до предела, в то время как домашнее хозяйство болтается в хвосте научного прогресса и самые разнообразные хозяйственные задачи взысканы на плечи перегруженных матерей. Таково неизбежное следствие культа прибыли: сферы деятельности человека, не имеющие прямой финансовой выгоды, становятся беспорядочными, бестолковыми и в итоге перестают приносить удовлетворение.

Стоит, однако, заметить: главные преграды на пути подобной архитектурной реформы находятся в психологии самих рабочих и служащих. Они первые возразят, что людям нравится жить в частных домах, что такое жилье тешит их гордость и удовлетворяет собственническим инстинктам. Безбрачная общинная жизнь, как в монастырях, таких проблем не ведала; именно брак и семья пробуждают в людях желание обособляться. Не думаю, что сугубо личное пространство для готовки (помимо разве что конфорки на крайний случай) хоть сколько-нибудь помогает удовлетворить эту потребность. В этом смысле, на мой взгляд, должно хватить собственной квартиры с собственной мебелью. И все же интимные привычки трудно изменить. Быть может, стремление женщин к независимости может постепенно привести к тому, что они начнут все больше работать вне дома, что, в свою очередь, расположит их к описанной нами системе.

Сейчас в среде жен работающего класса феминизм только-только зарождается, но вскоре он должен набрать силу (если, конечно, не будет фашистского отката назад). Возможно, со временем женщины придут к пониманию преимуществ совместной готовки и детских садиков. Рассчитывать на инициативу перемен со стороны мужчин едва ли стоит. Работающие мужчины, включая даже социалистов или коммунистов, как правило, не считают нужным менять социальное положение своих жен.

До тех пор пока в мире царят безработица и почти универсальное непонимание экономических принципов, выход замужних женщин на рынок труда, естественно, оспаривается как угроза лишить работы тех, чьи места они займут. Поэтому проблемы замужних женщин неразрывно связаны с проблемой безработицы, которую, скорее всего, не решить без значительной доли социализма. В любом случае при теперешнем культе прибыли постройка «кооперативных параллелограммов», за которые я ратую, невозможна; масштабно начаться она сможет лишь в рамках развернутого социалистического движения.

Так что здоровье и характер детей, как и нервы замужних женщин, обречены страдать до тех пор, пока экономикой правит стремление к прибыли. Оно годится для достижения определенных целей, но не всех – к последним относятся благополучие женщин и детей в среде работающих людей, а также (еще более утопическое) облагораживание пригородов. И все-таки, несмотря на то что безобразие пригородов мы принимаем как данность, наподобие мартовских ветров и ноябрьских туманов, оно не настолько неизбежно. Если бы пригородами занимались городские власти, а не частные предприниматели, если бы планировали улицы и проектировали дома в стиле общежитий колледжей, то картина непременно радовала бы глаз. Безобразие, равно как нервозность и нищета, входит в ту цену, которую мы платим за рабское поклонение частной наживе.

Глава IV

Мидас нашего времени⁷

Притча о царе Мидасе и его «золотом прикосновении» известна всем, выросшим на «Тэнгловудских историях» Натаниэля Готорна. Достопочтенный царь, будучи большим любителем золота, получил дар от бога обращать в драгоценный металл все, к чему прикасался. Поначалу новое умение привело Мидаса в полный восторг, однако, обнаружив, что золотой становилась и пища, которую он намеревался положить себе в рот, он не на шутку забеспокоился. Когда же от его поцелуя в золото обратилась дочь, несчастный пришел в такой ужас, что стал умолять бога забрать дар. Лишь тогда царь осознал, что золото – не единственная ценность в жизни.

Мораль этой нехитрой истории человечество почему-то никак не усвоит.

Захватив в шестнадцатом веке золото Перу, испанцы решили оставить его себе и создали множество преград, затрудняющих экспорт драгоценного металла. В результате цены во всем испанском владычестве возросли, никоим образом не обогатив при этом Испанию. Сознание собственного возросшего в два раза богатства, может, и тешило чью-то гордость, но, если на каждый дублон купить удавалось половину того, что раньше, выгода была чисто метафизической, так как не приносила ни больше еды, ни лучшего дома, ни каких-либо иных конкретных преимуществ. Англичанам и голландцам, не обладавшим такой властью, как у испанцев, приходилось довольствоваться тем, что сейчас зовется американским Востоком – презренным регионом, не содержащим золота. Однако в качестве источника обогащения этот регион оказался несоизмеримо более продуктивным, чем «золотые» части Нового Света, на которые во времена королевы Елизаветы Первой зарились все нации.

Несмотря на банальность этого урока истории, его прямое отношение к проблемам наших дней, похоже, не укладывается в умах современных правителей. Экономика вообще всегда была поставлена с ног на голову, а в последнее время и вовсе выходит за рамки здравого смысла. Абсурдность того, что творилось в конце войны, заставляет усомниться, на самом ли деле в правительствах заседают взрослые люди, не состоящие на учете в психушках.

Для того чтобы наказать Германию, Союзники решили воспользоваться проверенной временем практикой и потребовать возмещения ущерба. Что ж, сказано – сделано. Вот только назначенная сумма безмерно превышала все золото Германии, если не мира! То есть у немцев математически не было возможности выплатить долг иначе, как товаром. Тут державы-победители спохватились, что о благосостоянии нации привыкли судить по тому, насколько экспорт превосходит импорт. Страна, которая экспортирует больше, чем импортирует, имеет положительное сальдо торгового баланса, в противном случае сальдо считается отрицательным. Навязав Германии репарационные платежи выше, чем у той было золота, Союзники обрекли себя на отрицательное торговое сальдо. К их ужасу, стимулируя германскую продукцию на экспорт, они нечаянно поставили немцев в привилегированное положение.

⁷ Написано в 1932 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.